

«19 ДЕКАБРЯ» –
ИЗ НЕПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Круглый стол с участием Валентина Акудовича, Павла Барковского, Игоря Бобкова, Максима Жбанков, Андрея Лаврухина, Альмиры Усмановой, Ольги Шпараги, Татьяны Щитцовой (модератор)

Т. Щитцова: Коллеги, все мы знаем, что за три месяца, прошедшие после событий 19 декабря, не было недостатка в публикациях: и белорусских, и региональных, и западных. При этом нельзя не обратить внимания на тот факт, что подавляющее большинство из них носит политологический характер. Поскольку дискурсивная рамка, при всех авторских вариациях, остаётся одной и той же, очень скоро замечаешь, что аналитика движется по кругу, поскольку воспроизводятся одни и те же схемы и аргументы: «между Евросоюзом и Россией», период «показной либерализации», отсутствие внятной (программы у) оппозиции и т. д. и т. п. Даже «сценарии на будущее» быстро стали общим местом (для примера: прогностика, напечатанная в *ARCHE*, повторяет варианты нашего будущего развития, которые были озвучены уже в декабрьском выпуске немецкого журнала *OstEuropa*).

Когда мы заявляли этот спецвыпуск *Топоса*, мы исходили из того, что возможна и необходима иная оптика, иной подход, да просто даже способность ставить *другие* вопросы – из *неполитологической* перспективы (при этом, конечно же, не *вместо* политологической; у политологии свои задачи, ни принижать, ни оспаривать которые мы не собирались).

І. Бабкоў: Можа быць, тады з самага пачатку абазначыць гэта як праблему? Вось, наконт паліталагічнага дыскурса. Адна з самых такіх цікавых і дзіўных рэчаў, якія для мяне падчас і пасля падзеяў сталіся відавочнымі, гэта адсутнасць паліталагічнага аналізу. Вельмі многа выказванняў палітычных экспертаў. А ўласна паліталогіі ў гэтых выказваннях я не заўважыў. І таму ў мяне складаецца ўражанне, што не толькі філосафы, інтэлектуалы ўвогуле, але і палітолагі ўзялі паўзу і знаходзяцца ў пэўным канцэптэуальным чаканні.

Т. Щитцова: А что ты имеешь в виду под «уласна паліталагічным»?

В. Акудовіч: Я таксама пра гэта хацеў запытацца.

І. Бабкоў: Уласна паліталагічны аналіз – г. зн. калі ёсць думка з перспектывы паліталогіі. Калі не проста абмяркоўваюцца падзеі, сцэнары, мэты, сродкі і вынікі, але задаецца пэўная стратэгічная рамка аналізу, у якой мы думаем і якая дазваляе разумець, што адбываецца. Я б нават

сказаў, што характэрнай асаблівасцю гэтай палітычнай кампаніі было тое, што самі яе ўдзельнікі рабілі па максімуму, каб ніхто нічога не зразумеў. Усё, што лётала вакол кандыдатаў – было прамоцыйнай, піярам, палітрэкламай, але практычна ніколі аналітыкай альбо рэфлексіяй. Больш за тое, мы неяк пілі каву з А. Глобусам і выявілі дзіўную рэч: шмат каго адмыслова прасілі не выказвацца падчас спектакля, у тым ліку яго і мяне таксама. Прасілі дачакацца моманту, калі спектакль завершыцца, заслона закрывецца, і тады гаварыце, што хочаце.

В. Акудовіч: А хто гэта вас прасіў?

І. Бабкоў: Гэта былі людзі з апазіцыйных колаў, назавем іх палітэхнолагамі.

В. Акудовіч: Ну, апазіцыйны свет настолькі стракаты, і калі нехта вас папрасіў устрымацца ад крытычнай аналітыкі, дык з гэтага не вынікае, што так думае ўся палітычная апазіцыя.

І. Бабкоў: Валянцін, я не хацеў бы, каб на гэта збівалася ўвага. Асноўнае, што мяне ўразіла, яшчэ раз паўтару, гэта адсутнасць не толькі філасофскага складніка ў нашым палітспектаклі, але і паліталагічнага таксама. Я б нават узмаціў тэзу і сказаў, што ў гэтым новым раскладзе ўвогуле не засталася месца для інтэлектуалаў. І гэта можа быць адна з самых дзіўных і вусцішных характарыстык той новай сітуацыі, у якую мы патрапляем.

Т. Щитцова: Ты имеешь в виду, что есть какое-то фатальное запаздывание?

І. Бабкоў: Не, гэта не спазненне. Больш радыкальна. У тым спектаклі, які выйшаў на паверхню падчас і пасля 19-га, ёсць месца для піар-менеджараў, экспертаў, для сцэнарыстаў і аналітыкаў, але не для інтэлектуалаў.

В. Акудовіч: А яго і не магло быць. Толькі з іншых падставаў. Калі спадарыня Таццяна прапаноўвала мне прыняць ўзел у гэтым круглым stole, я паспрабаваў ад яго ўхіліцца, бо разумеў, што падзея 19-га снежня без астачы ўпакаваная адно ў палітычны дыскурс. Гэта не *Плошча* 2006 года. Гэта ўсяго толькі чарговы *Марш Свабоды*, прымеркаваны да заканчэння выбараў прэзідэнта... Для мяне *Плошча* была падзеяй, якая выломвалася з палітычнага кантэксту ў самыя розныя і больш высокія дыскурсы. Ігар тут амаль канспіралагічную схему выснаваў, што нейкія цёмныя сілы адсланілі інтэлектуалаў ад аналітыкі таго, што адбылося...

І. Бабкоў: Я гатоў патлумачыць...

В. Акудовіч: Прабачце, я хацеў бы закончыць свой пажыццёвы пажурт на мой розум падзея 19-га пачалася з палітыкі і палітыкай заканцавалася. З гэтага хай палітыкі з палітолагамі ў ёй і корпаюцца. Дзе там была правакацыя ўлады, дзе глупота апазіцыі? І таму нашая спроба далучыцца да аналітыкі гэтага масавага дэмаршу нічым іншым не скончыцца акрамя таго, што мы тут сябе выявім ў ролі квазіпалітолагаў.

Т. Щитцова: Валентин, но тогда выходит очень странная и какая-то обескураживающая ситуация. Получается, мы, философы,

собрались здесь и опознаём, что произошло весьма травматичное политическое событие, в отношении которого философское высказывание невозможно. Это ведь странное признание...

В. Акудовіч: Ну чаму. Вось п'яны трактарыст зваліўся на трактары ў яму, зламаў там сабе нешта, пабіў калгасную тэхніку. Гэта вельмі траўматычна і для сям'і, і для калгаса, і для медыцынскай статыстыкі, але дзе тут месца філасафаванню?

О. Шпарага: Это очень утрировано!

А. Усманова: Я, возможно, соглашусь с тем, что было сказано, но мне хотелось бы взглянуть на ситуацию с несколько иной точки зрения. Начну с того, что я не считаю происшедшее 19 декабря на площади исключительным Событием, которое заслуживало бы отдельного анализа. По отношению к «белорусскому случаю» меня больше волнует не событийность, а, скорее, континуальность. На мой взгляд, следовало бы рассматривать целую совокупность микрособытий, которые можно каким-то образом ранжировать по степени их значимости. И я предполагаю, что то, что *НЕ* произошло на площади 19 декабря 2010 года, или то, что вообще *НЕ* происходит в принципе, является частью общего контекста. Вопросы о пресловутой толерантности белорусов или особом «пути» Беларуси – это вопросы не к 19-му декабря, а ко всей нашей политической, культурной и экономической жизни. Хотелось бы думать, что если мы отойдём от пресловутой политической экспертизы и вообще политической аналитики, что бы под ней ни понималось, и попробуем задаться вопросами, например, антропологического и социологического характера, тогда, может быть, мы смогли бы приблизиться к ответу на вопрос о том, на чём зиждется наша «стабильность» и ни чем не поколебимая лояльность режиму.

Т. Щитцова: Безусловно, речь не идёт о том, чтобы фиксироваться на одном дне как таковом. Это ясно прописано уже в анонсе нашего номера – в формулировке его задачи и основных вопросов, которые вынесены на обсуждение. «Девятнадцатое декабря» – само это словосочетание выступает здесь скорее как маркер, или символ, событий, которые сплелись в один узел и *принуждают* к новому осмыслению механизмов власти, утвердившихся в нашей стране.

М. Жбанков: Я хотел бы всё-таки вернуться к тому, что Игорь начинал говорить. Мне кажется, мы путаем два сюжета. Первый сюжет – это возможности столкновения некоего происшествия, второй – это вопрос о цене наших разговоров. То есть тут дело, если я понял, даже не в том, есть ли повод для разговора, а в том, что мы можем высказать по этому поводу. И не менее важный вопрос: кому это нужно?

Вот что сейчас мы, люди с философским образованием, с опытом публичной работы, научных исследований, можем сказать, что мы можем прибавить к этому событию, которое, на самом деле, тут я соглашусь с Валентином, является банальным. По поводу чего мы будем высказываться? По поводу того, что власть привычно

идиотична? По поводу того, что власть всё дремлет и не проснётся? По поводу того, что нация движется сразу во все стороны и никак не соберётся во что-то связанное? По поводу того, что мы здесь существуем где-то на обочине процесса? Можно об этом говорить, но об этом уже много раз переговорено!

Т. Щитцова: То есть нет никакого изменения ситуации?

М. Жбанков: Я не знаю. Я говорю, может быть, о самооценке в первую очередь. Почему мы с вами считаем, что мы вообще значимы в этой ситуации? Мне кажется, когда Игорь начинал говорить, он говорил как раз об этом. Что интеллектуалов в этой ситуации давно уже вытеснили на обочину. Что мы уже в качестве акторов не присутствуем. Что мы сейчас пытаемся вернуть себе эту активную роль. Мы говорим: «Нет, мы можем!» И мы скажем: нет, мы сделаем. А что, собственно, скажем, что сделаем?

Т. Щитцова: Но можно же обернуть вопрос: почему то, что случилось, значимо для нас? Почему мы считаем необходимым так или иначе высказаться относительно случившегося?

М. Жбанкова: Но это вопрос.

І. Бабкоў: Можна паспрабаваць запытацца, чаму мы як інтэлектуалы не прысутныя і не пачутыя.

Т. Щитцова: Где именно мы не присутствуем?

І. Бабкоў: У публічнай прасторы. Калі браць сітуацыю 19 снежня, дык аказваецца, што ў публічны фармат патрапляе Святлана Алексіевіч са сваім лістом прэзідэнту, выказванні пра культурны генацыд Міхалка, альбо вар'яцкі выхад Курэйчыка з нейкай рады, якую насамрэч ніхто не ведае. І гэта для публічнай прасторы аказваецца значна больш важнымі падзеямі, чым інтэлектуальна вывераныя дыягназы, альбо нават нейкія асабістыя праўды, якія мы можам засведчыць. І тады наступнае пытанне, якое мы маглі б задаць: што такое адбылося з публічнай прасторай, што яна сёння трымае толькі пэўны тып актораў і пэўны фармат выказванняў.

А. Лаврухин: Игорь, это означает, что мы ведём речь в такой ситуации, в которой нам уже «нет места». И в этой ситуации есть два выхода. Либо мы это просто констатируем, соглашаясь с тем, что нам нет места, и не претендуя на его создание, либо мы говорим: «нам нет места, но эта ситуация нас не устраивает» – и поэтому есть повод и возможность сказать своё слово, тем самым обозначая свою позицию, пусть даже маргинальную. Я предпочёл бы второе, поскольку иначе мы скатываемся в эскапизм, лишая самих себя возможности возвышения голоса. Другое дело – как именно возвысить голос? Что сказать?

Вот у нас, в нескольких метрах, тюрьма КГБ, там по-прежнему сидят люди, продолжают допросы. В знак протеста одни люди объявляют голодовки, другие уезжают из страны. Есть ряд действий, реакции на происходящее, и нам важно понимать, как мы выглядим в этом контексте, какой резонанс могут иметь наши речи, слова, соображения. Это может быть запоздалая реакция интеллектуалов, которые сидели, и вдруг до них дошло... И это может

быть такая реакция, которая выходит за пределы публицистики, констатации всего того, что «в очередной раз власть продемонстрировала своё лицо» и т. д. и т. п. Мне кажется, есть два сюжета, которые могли бы привлечь внимание в этой связи. Первое – это университет: что с ним происходило в этот раз? И второе – это диагноз, поставленный самой властью: в своей речи накануне Нового 2001 года президент обратился, собственно, к двум категориям беларусов. Он поздравил сначала тех, кто его поддерживает, то есть большинство и, посвятив им одну речь, потом сделал нарочитую паузу и обратился с совершенно другой речью к меньшинству.

Т. Щитцова: То есть одно из следствий декабрьских событий – это признание раскола...

А. Лаврухин: Да, это была официальная легитимация раскола в обществе. И последний момент. Мне кажется, что при всём том, что ничего принципиально нового, вроде бы, мы не увидели, тем не менее, есть какая-то едва уловимая конвергенция между *Площадью 2006* и *19-м декабря 2010*. Повторение, которое имеет существенные инновации, какие-то качественные подвиги, и есть интуитивное ощущение, что они весьма существенны. Ощущения новизны и изменений витают в воздухе, и мне кажется, интеллектуал, если мы говорим о нем в европейском смысле как о том, кто обладает прогностическим чутьём в отношении событий, определяющих судьбу общества, способен ощущать вот такие едва уловимые признаки и бить тревогу задолго до того, как их симптомы станут очевидны для всех. Может быть, на что-то такое мы как раз и способны? Если это так, то, возможно, есть основания надеяться на интерес и понимание почтенной публики.

О. Шпарага: Я тоже, когда сегодня шла на обсуждение, задумалась, о чём мы будем говорить. Когда эти события происходили, мне показалось, что есть отличия. Потому что если в 2006 году это была *Плошча*, то в этом году для меня символом стало насилие. Интересно, что декабрьский номер журнала *Osteuropa*, посвящённый событиям, которые мы обсуждаем, называется «Власть, насилие, бессилие». И если насилие – это центральная тема, то смысл этих событий в том, что выявилась какая-то новая черта беларусской реальности, которую мы ещё не обсуждали философски. Сегодня же, когда прошло некоторое время и я начала думать, что обсуждать и о чём говорить, для меня вдруг эта тема немножко отошла назад – хотя и не потеряла своего значения.

Другими словами, важнейшие социальные и политические события, участниками которых мы становимся, например выборы 2006-го и 2010-го, до этого – закрытие ЕГУ, имеют свою собственную логику, которую мы как философы можем принимать во внимание или игнорировать её. И эти моменты могут нам подсказать, как вообще с этой реальностью работать. Можно сказать: *это не события, другие вехи были событиями, или это новое событие*. Вопрос, следовательно, в том, как философская мысль может относиться к разному рода событиям. То есть само соотнесение фило-

софии с этой событийной логикой интересно и заслуживает внимания. Это один момент.

Второй момент – по поводу того, интересно ли кому-то наше философское высказывание. Так как я – редактор сайта, то вижу, как читают интеллектуальные тексты; я убеждена, и вижу по статистике, по её росту, что философские тексты востребованы. В Беларуси есть запрос на философское высказывание – в кругу писателей или, например, театральной публики. Обращение к анализу тех или иных событий придаёт встрече с нашими читателями дополнительное напряжение, потому что их интересует философская интерпретация того, что они пережили как художники или политические активисты. Даже если мы скажем, что это не событие и произошедшее не заслуживает внимания.

П. Баркоўскі: Я трохі запярэчу таму трэнду, які выказаў Валянцін: што тое, што адбылося 19 снежня, – гэта не здарэнне, што гэта банальныя рэчы. І мы нават сёння можам гэта назіраць: на днях ў Азербайджане адбылося фактычна тое ж, што адбывалася ў Менску. Ну, амаль тое ж самае, з жорсткім збіваннем дэманстрантаў, з затрыманнямі, з усімі падобнымі акалічнасцямі. Але пры ўсім тым, я б сказаў, што для нас цікавая не сама падзея – 19 снежня, колькі тое, якую ланцужковую рэакцыю яна выклікае. І ў гэтым сэнсе, як такая сінергетычная точка біфуркацыі, якая спрычыніла нейкі новы парадак рэчаў, нейкую новую логіку. Хутчэй, нават зрабіла яе больш відавочнай, а не тое, каб яе наўпрост спарадзіла.

Я не ведаю, у якім статусе я сам адсядзёў у ізалятары пасля 19 снежня – інтэлектуала альбо проста грамадзяніна Беларусі, які туды патрапіў за выказванне сваіх ацэнак, меркаванняў... Там у мяне была нагода з іншага боку і падумаць над тым, што адбывалася, і расставіць для сабе нейкія першасныя акцэнты. І мне тады было вельмі цікава па-філасофску паразважаць наконт таго, што тут, у дыскусіі, спрабавалі закрануць, а пасля зусім адкінулі на другі ці трэці план. Па-першае, *сацыяльны складнік гэтай плошчы*. Ніхто, здаецца, не правёў добрага сацыялагічнага даследавання на гэты конт, калі гэта цяпер наогул верагодна зрабіць, але калі браць такі, зразумела, неаб'ектыўны, аднак угрунтаваны ў логіку ўзаемных дачыненняў са знаёмымі прыклад апытання, пачынаеш заўважаць, што мы маем зусім не прагназаваную колькасць вышшаўшых людзей, да таго ж вышшаўшых насуперак логіцы падзеяў, прыкладам (па знаёмым я магу разважаць), на *Плошчы* было адсоткаў мо 80 знаёмага кола інтэлектуалаў. І ў гэтым сэнсе, скажам так, вельмі цікава, а чаму яны выйшлі? Ну што, яны не разумелі вось гэтых банальных паліталагічных раскладаў? Вось гэтай банальнай логікі сістэмы, не разумелі, што нічога гэта не зменіць у нашай банальнай паліталагічнай логіцы? І таксама праз знаёмых даведваешся, што там былі досыць паспяховыя бізнесоўцы, там былі і тыя, каго называюць творчай інтэлігенцыяй, там было і шмат людзей стагага веку, што незвычайна бачыць на розных апазіцыйных мерапрыемствах.

Мне цяжка зараз казаць пра якасны сацыяльны складнік тых, хто прыйшоў, але ўскосна глядзячы, па дадзеных, у тым ліку асабістых назіраннях, ён досыць прынцыпова змяніўся нават з папярэдняй *Плошчы 2006* году. Там ён быў значна больш выразны, і калі ноччу стаялі на марозе людзі, можна было адсоткаў на 70–80 з пэўнасцю сказаць, якія сацыяльныя групы яны прадстаўляюць – пераважна, натуральна, моладзь. Паколькі я сам таксама там быў, я магу аб гэтым сведчыць проста. А тут нейкая змена сацыяльнай сітуацыі, і не зразумела, што матывавала людзей вось на такое ўзрушэнне. Што матывавала на тое, каб удзельнічаць у гэтым здарэнні, якое, канешне, мела сваю логіку, якую падкрэслівалі Камітэт ці іншыя там структуры, якую спрабавалі для сябе акрэсліць апазіцыйныя нейкія арганізацыі. Людзі туды прыйшлі, яны туды ўпісаліся, але чаму яны пайшлі на ўсё гэтае і што яны хацелі там здзейсніць – вось гэта, бадай, не прааналізавана.

Па-другое, тое, што пасля адбывалася, можна і варта параўнаць з 2006 годам яшчэ ў іншым аспекце. *Там не было такой маштабнай акцыі салідарнасці з палітзняволенымі*. Былі зняволеныя, бо там пабралі з плошчы ўсіх, хто там стаяў, 200–300 чалавек, але неяк гэта пракацілася досыць сціпла, мала хто адгукнуўся. Пасля быў гэты Марш Волі, дзе былі бойкі і зняволены Казулін, і ўсе гэтыя падзеі перахапілі ўвагу і нейкага грамадскага узрушэння ў бок салідарнасці не было. А гэтым разам можна было назіраць узрушэнне ў тым сэнсе, што шмат людзей (і зноў жа, магу разважаць па знаёмых), добраахвотна далучаліся да валанцёрскіх акцыяў па збіранню пасылак для зняволеных; на офісе БНФ пэўны час не ведалі што рабіць з гэтай гуманітарнай дапамогай, якая цягнулася грамадзянамі. Нават калі і быў нейкі спантанны акт, што адбыўся на плошчы, які звязаны з выйсцем людзей, што можна было б патлумачыць эмацыйным узрушэннем, спробай аднаразова выказаць нейкае сваё «фі!» усёй сітуацыі, – гэта пасля пачало трансфармавацца ў тое галоўнае, што ўлада *пачынае заўважаць*. Гэта тое, што адбываецца зараз... Вось раней казалі: «Так, сітуацыя кепская, але большасць падтрымлівае існуючую сітуацыю, і мы, інтэлектуалы, або людзі, якія мысляць больш па-еўрапейску, мусім з гэтым пагадзіцца. Гэтае балота, яно заслугоўвае таго, што заслугоўвае. Народ заслугоўвае тую ўладу, якую абірае». А зараз неяк у грамадскіх настроях расчыняецца гэтае адчуванне – таго, што больш за 50% галасуе за існуючую ўладу. Расчыняецца таксама ўпэўненасць у тым, што агучаныя ў навагодняй прамове меншасць і большасць – гэта не нейкая сімуляцыя, дзе ўсё трэба перакруціць наадварот. І вось гэтая разгубленасць, яна адчуваецца і па дзеяннях улады, і па тае нематываванай жорсткасці, якая дэманструецца... Раней без яе дастаткова добра ўсё ладзілася: досыць было нейкіх кропкавых акцый, каб сітуацыю рэгуляваць. Цяпер гэта такі перманентны тэрор. І гэта таксама, магчыма, мала прааналізаваная тэма.

Я не ведаю, наколькі ўсё гэта можа быць філасофскі, сацыялагічна, магчыма і паліталагічна прааналізавана. Я проста

кажу пра тое, што пры ўсім нашым усведамленні гіпербанальнасці сітуацыі – таго, што, сапраўды, ва ўсім свеце нешта падобнае адбываецца ўвесь час, і на Беларусі гэта, здаецца, чарговая палітычная акцыя, чарговы разгон, адно трохі большая колькасць зняволеных, чым звычайна, але бывала і такое, – пры ўсёй гэтай гіпербанальнасці мы ўсе з іншага боку адчуваем (і не толькі праз крызіс эканомікі, які ўжо пачынае рабіцца відавочным), што *сітуацыя неяк якасна змянілася*.

I. Бабкоў: Мне здаецца ёсць сэнс звярнуцца да некаторых агульных схемаў і канцэптаў, якія дазваляюць нам іншае разуменне сітуацыі. Але першае, што я хацеў бы сказаць, – у адрозненне ад Валянціна, для мяне падзея 19 снежня стала падзеяй менавіта інтэлектуальна насычанай. І я патлумачу чаму. З аднаго боку, гэта працяг асноўнай структуры альбо схемы, у якую патрапіла грамадства недзе ад пачатку 1990-х. І якую можна было б назваць супрацьстаяннем альбо барыкадай. І тут першая тэза. Беларускае грамадства не проста падзелена гэтым супрацьстаяннем, а творыцца і паўстае ў выніку як асноўны яго прадукт. Беларуская нацыя – гэта тое, што нараджаецца ў грамадзянскай вайне. І таму вайна, сутыкненне, барыкада з’яўляюцца таксама і пазітыўным момантам, тым, што злучае, а не толькі тым, што падзяляе і руйнуе.

Калісьці, у другой палове 1990-х, ў *Фрагмэнтах* мы спрабавалі абазначыць структуру гэтай барыкады: хто з кім змагаецца і на якіх канцэптuallyных пазіцыях стаіць. І тады ў Баярына паўсталі вельмі цікавыя развагі пра постмадэрную дыктатуру і мадэрны супраціў. Ён звярнуў увагу на тое, што беларускі супраціў актыўна карыстаецца метанаратывамі, і што дыскурс свабоды, дэмакратыі і правоў чалавека, у які мы звычайна патрапляем як у нешта натуральнае, насамрэч мае сэнс толькі таму, што за ім стаіць цывілізацыя Захаду як нешта вялікае і легітымнае. У той час як дыктатура абапіраецца хутчэй на дэканструкцыю, яна паказвае ўвесь час, што за гэтым дыскурсам, за гэтымі метанаратывамі стаяць канкрэтныя акторы і іх эканамічныя інтарэсы. Баярын тады спрабаваў паказаць, што пры такім раскладзе ніякай перамогі не будзе. Ні ў кога. І не толькі таму, што перамагчы постмадэрную дыктатуру з дапамогай вялікіх наратываў немагчыма. Але і таму, што гэтая структура хутчэй ўзаемададатковая, чым канфліктная.

Што рэальна адбылося ўзімку, дык гэта змена актораў з аднаго боку барыкады. Па сутнасці былі адсунуты ўбок класічныя палітычныя партыі, старыя палітычныя суб’ектнасці, і на першы план выйшлі каманды наёмнікаў. І яны ладзілі свой спектакль гэтак жа сама, на тых жа самых прынцыпах, што і рэжым. Структура палітычнага сутыкнення змянілася. Цяпер мы маем постмадэрнае з абодвух бакоў барыкады. Вось чаму інтэлектуалаў у гэтай кампаніі прасілі не выказвацца, і чаму ў ёй ім няма мейсца. Таму што калі пры змаганні мадэрнага і постмадэрнага яшчэ было мейсца для размовы пра эйдасы, дык у тым палітычным спектаклі, які адбываўся цягам апошніх год, гэтага мейсца ўжо не засталося. Гэтым тыпу

спектакля патрэбныя капірайтары і палітэхнолагі, а не мысляры і аналітыкі.

Снежаньскія выбары былі першымі, калі я і большасць маіх сяброў не пайшлі галасаваць. Такого я не мог сабе ўявіць у дзевяностыя. На пытанне чаму, што адбылося, я б адказаў коротка і метафарычна: прыйшоў Пі Дэбор са сваім «спектаклем». І таму асноўная праблема для нас – у нас саміх: якая можа быць роля і месца інтэлектуалаў у сітуацыі, калі *спектакль становіцца татальным*. І калі ў гэтым сэнсе няма розніцы паміж апазіцыяй і ўладай. Мне здаецца, што гэта самае важнае, пра што мы мусім думаць.

Т. Щитцова: Уже один тот факт, что у всех нас чрезвычайно разные оценки произошедшего, сам по себе весьма любопытен. Я не разделяю позицию Валентина. Мне представляется, что философская перспектива чрезвычайно востребована в актуальной аналитике декабрьских событий. Мы уже отмечали преобладание политологического дискурса. Анализируются соответствующие стратегии и тактики, взвешиваются самые разные факты, из этого выводятся разные сценарии, просчитываются ошибки. Философское высказывание, если оно получается, располагается перпендикулярно к этому измерению, поскольку философия притязает на то, чтобы в логически объяснённом и просчитанном вскрыть некую небанальную структуру, которая делает банальное небанальным.

В этой связи я хотела бы обратить внимание на один из тезисов Павла: о невозможности вписать произошедшее в какую-то логическую рамку. Политологический анализ пытается ввести логические схемы, которые позволят объяснить произошедшее и выстроить определённую прогностику. Логика и прагматика – вот два ключевых слова для политологического анализа. Нужна смена перспективы, чтобы осмыслить тот избыток, ту алогичность и непрогнозируемость, которые были свойственны событиям 19 декабря. Вслед за Павлом я могу сказать, что в декабрьском шествии меня чрезвычайно впечатлила разнопоколенчатость и социальная разностатусность людей, которые там были. Многие приходили целыми семьями.

И по поводу насилия. Ведь насилие – это ответ. В данном случае это был ответ как раз на непредсказуемый (алогический) всплеск, который лежал в сердцевине протестного марша. Сегодня уже звучало, что не было ни лидера, за которым бы шли, ни партии, которую бы поддерживали. То, что произошло 19 декабря, в этом был элемент непрогнозируемой избыточности. Люди вышли, несмотря на то что не было никакой продуманной тактики действий, никакой организации, никакого сценария.

І. Бабкоў: Калі параўноўваць тых, хто выйшаў на плошчу ў снежні, з удзельнікамі ранейшых пратэстаў, дык на мой погляд, упершыню большасць выйшла не адстойваць свае інтарэсы, свае палітычныя погляды, яны выйшлі паўдзельнічаць у спектаклі. І ў гэтым сэнсе людзі не былі гатовыя да гвалту. Гвалт – гэта вяртанне ў рэальнасць. І таму шок быў такі вялікі. Я бачыў здымкі і відэа, дзе людзі замест

таго, каб змагацца альбо ўцякаць, спакойна шпацыравалі перад АМАПам... Яны былі абсалютна непадрыхтаванымі.

Т. Щитцова: Это мог быть пассивный протест. В любом случае, утверждение, что люди вышли для того, чтобы принять участие в спектакле, кажется мне весьма проблематичным.

М. Жбанков: Слушая Игоря, я подумал про себя, цинично и эгоистично: почему мне так неинтересно читать всё то, что по этому поводу написано? Что бы ни попадалось, ни один текст до конца дочитать не мог. Я подумал, что эта идея о присутствии интеллектуала как отсутствующего актёра многое проясняет. Читать-то неинтересно потому, что самое главное происходило не на словах, а на уровне той самой реальности, которая сквозь наш словарь просто просачивается, и мы не способны с его помощью её поймать. И мне кажется, что очень приятно отслеживать какие-то глобальные тенденции и говорить о том, что есть сдвиги и что-то радикально меняется. У меня такого чувства нет, возможно, потому что я не прошёл через ваш, Павел, репрессивно-депрессивный опыт, но я хочу сказать о другом.

Вот чем мы сейчас занимаемся, когда ищем какие-то тенденции, какие-то схемы? Мы занимаемся тем же, чем и всегда: пытаемся каким-то образом укротить реальность, пытаемся её осознать, превратить в те самые схемы. Одна из самых популярных легенд о 2006-м, что там все шли за Милинкевичем. А это абсолютно не так. Я знаю, потому что имел и свой личный опыт, и разговаривал с массой людей, которые там были. Поэтому не соглашусь с Игорем: то, что произошло 19 декабря, можно читать как отказ участвовать в том спектакле, где все роли распланированы. То есть, мне кажется, что интеллектуальная энергия несогласия, которая не смогла найти легитимного воплощения во всей предвыборной кампании (и тем более в ситуации выборов), нашла своё выражение не в лозунгах, не в брендах, не в вывесках, а в определённом действии, движении. То есть реакцией на девальвацию слова стала реанимация социального действия. Я как раз в тот день приехал из Вильнюса, мы забросили домой багаж и поняли: надо идти. Всё было ясно. Без расчёта на какие-то победы и триумфы. И на спектакль. Просто это было делом чести. Важно, на мой взгляд, понять эту новую интеллектуальную интенцию, которая проявляется не в теоретических семинарах и печатных текстах, а в реальном действии. Выйти и увидеть глаза тех, кто рядом с тобой. Возможно, именно в этом и есть выход из нашего тупика: попытка действием обозначить своё присутствие там, где тебя не ждут.

Т. Щитцова: Мне кажется, этот порыв тем и значим, что он не осуществляется по линии какой-то программной политической установки или инструкции.

М. Жбанков: ...у него нет модератора...

А. Усманова: Я попробую высказаться по поводу тезисов, прозвучавших в высказываниях выступавших до меня коллег. Сначала по поводу «спектакля». Мне кажется, что все присутствующие – не-

гласно – выбрали для себя две возможные интерпретации понятия «спектакль»: постановочность и зрелищность. Я для себя на этот вопрос ответила в 2006 году, когда мы делали специальный выпуск *Топоса* на тему «Выбор и выборы». В своём тексте для этого номера я попыталась именно с помощью понятий «спектакляризация» и «ситуация» проанализировать то, что происходило тогда. Сравнивая стратегии французского ситуационизма 1960-х с политическим акционизмом в Беларуси в 2006, я размышляла над тем, каким образом политика как область коллективных действий подменяется «искусством обходного манёвра». С тех пор, на мой взгляд, ничего радикально нового не произошло.

Что-то новое и необычное, по-моему, сейчас происходит совсем в других пространствах. Например, давайте посмотрим на «непроисходящее» у нас через призму глобального «акционизма», разворачивавшегося на «наших глазах» благодаря телевидению и интернету в течение этих трёх месяцев. Мы имели возможность быть удалёнными свидетелями рождения коллективного субъекта в самых разных точках мира – например, я имею в виду то, что происходило и всё ещё происходит в арабских странах. А можно соотнести нашу «ситуацию» с другим типом «политического акционизма», который ещё более рельефно показывает, как свершаются «спектакли» сегодня – и в какой мере опосредованность социальных отношений образами (а именно этот смысл в дефинициях «спектакля» я считаю центральным у Дебора) оказывается важной для обозначения своего места в политике. Если полуобнажённые девушки из группы *ФЕМЕН* выходят на улицы Киева, в разгар рабочего дня, с лозунгами «Украина – не бордель», привлекая к себе внимание и прохожих, и журналистов, и власти, то с этим кратким лозунгом и перформативной политикой телесности, а не с потоком обесцененных слов, они обеспечили себе место в публичном пространстве своей страны. А каково наше место в публичной сфере у нас в стране?

Теперь относительно того, зачем люди пошли на площадь 19 декабря. Один несомненный и искренний мотив – проявление солидарности с коллегами, друзьями, всеми другими инакомыслящими людьми. Вторая причина, по которой, мне кажется, люди пошли на площадь, это потому, что было очень важно выйти за пределы той медиальной среды, которую создал белорусский режим. На площади, скорее всего, не было тех, кто смотрит БТ, но в любом случае достаточно массовый *coming out* был связан с усталостью от бесконечной лжи и манипуляций общественным мнением.

Последняя моя реплика касается политологии, то есть я хотела бы вернуться к самому началу нашего разговора. Политологи часто исходят из предпосылок о наличии целеполагания и возможности имплицативных высказываний в сфере политического прогноза (если есть исходные данные, то можно предложить три сценария развития будущего, и т. д.). Что в итоге происходит? Что, в общем-то, раз за разом политологи терпят фиаско. По сути то, что они пы-

таются сделать, – это предсказать то, что завтра... не работает. Странная на первый взгляд аналогия между цунами в Японии и событиями на Ближнем Востоке уместна в том смысле, что как метеорологи, так и политологи оказались в конечном счёте в одной яме...

И последнее. Мне вспомнился один очень известный эпизод из советского фильма «Одна» (1931): девушка, у которой судьба решается с распределением на работу и она не хочет ехать на далёкий Алтай работать учительницей на селе, в растерянности выходит на улицу, и вдруг с ней заговаривает громкоговоритель. И этот медальный голос власти спрашивает её: «Что ты сделала? Что ты делаешь? Что ты будешь делать?» Так вот, мне кажется, что в наших взаимоотношениях с властью и с самими собой мы всё ещё пытаемся ответить на эти три вопроса, заданных в фильме Козинцева и Трауберга в 1931 году...

П. Баркоўскі: Мая рэпліка распадзеца на дзве часткі. Першая, звернутая да Ігара, таму што здаецца, нібыта ў нас супярэчныя пазіцыі. Тое, што назіраецца суцэльны спектакль... Я сам пісаў тэкст, мо год таму, пра постпалітыку, спектакль, дзе выказваліся падобныя думкі. Адзінае, у чым мы з Ігарам разыходзімся, гэта на-конт мейсца інтэлектуалаў у гэтым працэсе. Гэта як у неамарксістаў пытанне: ці павінен пралетарыят сам выйсці на рэвалюцыю ці яго павінен нехта падштурхнуць. Я ў сябе такі дыягназ зрабіў, што калі сапраўды губляецца рэальнасць, палітычная рэальнасць, – па сутнасці губляецца сэнс. Вось тыя вялікія мадэрныя сэнсы згубіліся. Што такое свабода і што такое дэмакратыя?.. Зараз Аляксандр Лукашэнка можа павучаць карэспандэнта *Washington Post*, што такое сапраўдная дэмакратыя і чаму яе нестae ў Амерыцы, але яна ёсць у Беларусі. І навучае! Нават нашыя палітолагі кажуць: пасля гэтага пачалі фінансаваць беларускія паліталагічныя праграмы амерыканскія фонды, бо Аляксандр Лукашэнка ім давёў, што іх саміх няправільна вывучаюць.

Сэнсы губляюцца, і людзі ўжо не могуць апеляваць да такіх сталых структураў у сваіх паводзінах і мысленні. І сапраўды, калі ўсе разумеюць, што 19 снежня адбываецца спектакль і ўсе папярэднія крокі – галасаванне, медыякампанія, дзе нам нават як глядачам не застаецца месца, нават не як акторм, – дык тут застаецца пытанне, якое трапна ўзняў Макісм. Як нам рэагаваць? Не проста як нам рэагаваць як інтэлектуалам, а як чалавеку рэагаваць у гэтых абставінах. І спрабуюць рэагаваць менавіта голай дзеяй. Нейкім выйсцем, нейкай спробай зрабіць хаця б нешта, нейкі індывідуальны перформанс, у паасобных выпадках калектыўны. Тут пытанне насамрэч да інтэлектуала. Ці змога ён на гэтым новым падмурку ўпісацца ў працэс стварэння таго, што замяніць гэтую старую і скампраметаваную рэальнасць? Што мы можам дадаць такога інтэлектуальнага, што магло б гэтаму чалавеку, які зразумеў усю абсурдовасць гэтага спектакля, дапамагчы не проста зрагаваць, выйсці на плошчу ці выйсці з плошчы, хаця б нешта зрабіць, – а рэагаваць нека сістэмна? Вось гэта адно пытанне.

А другое, што хацелася б падкрэсліць у кантэксце таго, што сказала Альміра, гэта тое, што мы, звяртаючыся да гэтага здарэння, шмат размаўляем пра тое, што было, шмат спрабуем сказаць пра тое, што адбываецца з намі зараз, але вельмі мала разважаем пра тое, што будзе. Мала хто, я ўжо не кажу пра экспертаў, мала хто з нас можа сказаць, што мы будзем рабіць, калі дыктатура нарэшце падзе, і што будзе адбывацца тады ў Беларусі. Дзе тут нашае месца? На якіх сэнсах мы ўсе гэта будзем усталёўваць? Ці ёсць у нас гэтыя сэнсы? На чым зараз спекулююць у гэтых афрыканскіх канфліктах? Мала хто разумее, што там адбываецца з пункту гледжання сэнсу. Адна логіка, логіка мадэрнага гвалтоўнага дыктатарскага рэжыму, павінна саступіць нейкай новай логіцы, але што ў гэтых логіках утрымліваецца? Ісламскі радыкалізм ці нешта іншае? Мы мала разважаем аб тым, што будзе ў Беларусі і з намі ў Беларусі, калі сітуацыя кардынальна зменіцца. І гэтая разгубленасць перад будучыняй... Мы не пралічваем. Будзе, што будзе.

В. Акудовіч: Як я і казаў, у нашай гаворцы мы не выблытаемся з уласна палітычнага дыскурсу. Вось Павал нас зноў туды скіраваў. Добра, палітыка – дык палітыка. Дваццаць першага студзеня мы сядзелі ў кавярні з адным досыць вядомым замежным інтэлектуалам. Ён прыехаў у Беларусь спецыяльна, каб на свае вочы пабачыць, што і як тут будзе адбывацца. Сярод іншага, мы паспрабавалі з ім прааналізаваць структуру натоўпу, які па праспекце перарушыў з Кастрычніцкай на плошчу Незалежнасці. Досыць хутка мы вылучылі тры асноўныя групы. Першая, і самая малая, гэта палітычная апазіцыя. Не думаю, што колькасна яна мела больш за дзве тысячы. Другая, трохі большая, звычайны пратэстны электарат, які і ў самыя спрыяльныя для грамадства часы набірае, як сцвярджаюць сацыёлагі, не менш за 8 адсоткаў. Але асноўную масу склалі тыя, хто за апошнія 20 гадоў сфармаваўся (ці перафарматаваўся) у сітуацыі камунікатыўна адкрытай прасторы, дзе дамінуюць каштоўнасці, зрэпрэсаваныя ў сучаснай Беларусі. Ігар тут, канешне, прыгожа, прышпіліў Гі Дэбора, але я з Максімам салідарызуюся: 19-га снежня на праспект пераважна выйшлі ўжо гэтыя, іншыя, беларусы, і выйшлі толькі каб сказаць: мы не згодны з тым, што ёсць. Прычым тут вельмі істотна зразумець тое, чаго не зразумелі палітычныя лідары. Гэтыя людзі прыйшлі на плошчу зусім не змагацца з уладай, а толькі каб засведчыць сваю пазіцыю. Але і ўлада гэтага не зразумела і пагнала на людзей АМАП. І вось тут Ігар вельмі добра сказаў: разявіўшы рот, не маючы досведу, глядзелі, як АМАП на іх насоўваецца. Няма чаго на АМАП глядзець, калі ён на цябе насоўваецца як чорная лавіна – ад яго трэба ратавацца. Павал, гэта досвед яшчэ і для вас цяпер. Але гэта «палітычны» досвед, і я не ўяўляю, якую «філасофію» з яго можна выснаваць.

А. Лаврухін: У мяня такой тезис: во-первых (и это исходная позиция), смысл в этом есть. События 2006 года выключали интеллект и заряжали эмоциями и солидарностью. Всё произошло вдруг, и все потеряли голову. Я вспоминаю, как мы сидели здесь с

Игорем Логвиновым и делились ощущениями какого-то срывающего крышу вдохновения грядущими переменами. А вот в 2010 эмоции в большей степени всё-таки были под контролем, и поэтому поводов и оснований для рефлексии стало больше, чем прежде. Ведь это дежавю, уже не первый раз – такое вот дежавю со стажем. Мне видится оправданность осмысления вот в чём (и это мой второй тезис). Нам нужно подходить к 2010-му исторично. В каком плане? В плане большой истории и внутренней, нашей, белорусской истории. В плане большой истории события такого рода происходили в Европе, и здесь я ориентируюсь и на восточно-, и на западноевропейский контекст. События, в которые каждый раз были включены интеллектуалы. Вот интересно, как они были включены тогда и как они включаются сейчас. Что произошло, например, в Чехии, когда Ян Паточка был так или иначе включён в протестные движения. Как это происходило и как это происходит здесь? В чём разница?

В. Акудовіч: У 68-м годзе ў Парыжы Фуко быў на барыкадах, а Сартр бегаў па студэнцкіх інтэрнатах. Калі б нешта падобнае здарылася ў Парыжы праз год дзесьці, дык я не думаю, што і Фуко, і Сартр паўтарылі б свае шляхі.

А. Лаврухин: Вот и возникает вопрос: почему? Что изменилось? Почему тогда это было возможно, а сейчас – нет? Это первое. Очевидно, что тут есть констелляции, связанные со статусом самого интеллектуала, что он поменялся и так далее. Второй момент связан с историей внутренней. Очевидно, у нас уже есть история протестного движения. Все вспоминают 1990-е, когда степень брутальности протеста была несопоставима. В этом тоже есть своя история. Можно, конечно, сказать, что вообще ни в чём нет логики. Но что тогда делать в этой ситуации? Можно, конечно, быть таким стойком, включить установку атараксии, апатии и просто претерпевать всё, что бы ни произошло, потому что всё равно всё алогично, и мы ничего не можем с этим поделать.

Но есть и другая позиция – попытаться осмыслить «логику» произошедшего и сейчас происходящего, задаться вопросом о том, как это происходило в 1990-х, 2001-м и сейчас. Тем самым мы намечаем опорные временные точки, размечаем исторический горизонт. И если задать такой горизонт рассмотрения, то наш взгляд, наша перспектива на события 19 декабря выйдут за пределы простой публицистики, которая появляется так же быстро, как и исчезает. Это, конечно, потребует немало времени и усилий, но оно стоит того. Ведь совершенно очевиден дефицит рефлексии по поводу всего того, что с нами всё это время происходит. Вольно или невольно мы вовлечены в борьбу за свободу в течение как минимум 20 лет! Эта ретроспективная рефлексия могла бы помочь нам разобраться с самими собой.

М. Жбанков: Мне кажется, что то, что предлагает Андрей, – это откат на заранее подготовленные позиции. Что мы делали прежде? Говорили и писали книжки. Что нам дальше делать? Говорить и писать книжки. Фактически это возврат к привычному формату, про-

стому воспроизводству набора концептов. Но мы-то пытались говорить о том, что возникает ситуация переломная, после которой привычные наши форматы уже малоэффективны и неуместны...

А. Усманова: Во-первых, по поводу прогноза на будущее, о чём говорил Павел, мне кажется, это очень любопытно, что выборы 2001, 2006 и теперь уже 2011 подтверждают, что пока никакой альтернативы в белорусском политическом поле нет: многочисленные и несправедливо пострадавшие кандидаты в президенты на декабрьских выборах меня ни в чём не убедили. Не убедили в том, что они имели хоть какой-нибудь интересный или перспективный с точки зрения последующих 10 лет план действий.

И во-вторых, касательно того, что мы как философы и интеллектуалы собрались здесь и зачем-то разговариваем на околополитические темы. А что, собственно, мы ещё умеем делать? Мы действительно разговариваем, пишем книги и преподаём. Если мы это делаем хорошо, то результаты сказываются спустя 5 или 10 лет на обществе в целом. Но вот когда я размышляю о том, чего действительно не хватает по части какой-то аналитики или исследовательской работы, то, по-моему, у нас есть острая нехватка в исследованиях микропрактик. Как философы, мы можем ретроспективно присвоить некоторую рациональность каким-то событиям, которые на тот момент мы не понимали. Но как философы мы, к сожалению, не переходим к анализу тех микропрактик и тех микропространств, в которых это всё и происходит.

Приведу несколько примеров. Три года назад у нас в гендерной магистратуре Александра Дынько написала очень интересную диссертацию, посвящённую анализу стратегий и тактик женского диссента в белорусской оппозиционной среде. Ведь это очень важно – показать, каким образом гендерное измерение присутствует во всех этих практиках сопротивления или «недеяния», начиная от того, что делают женщины как жены или матери оппозиционеров, или как участницы на площадях. Или другой пример. Только после того как вышли, спустя 10 дней, те, кого посадили 19 декабря, начался разговор о содержании в тюрьме как о пытке. Так эта пытка, собственно говоря, применяется к такому количеству людей, независимо от того, были они замешаны в политических событиях или нет. То есть, в принципе, вся нынешняя система судопроизводства, равно как и содержание в камерах, – это действительно пытка. И эту бесчеловечную систему необходимо либо описывать литературно, как это сделал Солженицын, либо исследовать с помощью антропологического и социологического инструментария. Ну и так далее. Я хочу сказать, что помимо экспликации общей логики, которую мы пытаемся усмотреть в белорусской ситуации, необходим кропотливый, тщательный, детальный анализ маленьких тем, которые связаны с нашей повседневностью, с тем, что мы делаем, когда мы не на площади.

О. Шпарага: Небольшая реплика. Мне кажется, что одно из центральных понятий, которые появились, – это понятие социаль-

ного действия, но в каком-то новом понимании, поскольку, как мне кажется, в палаточном городке 2006 года родился, благодаря новым технологиям, новым поколениям, исток для нового социального действия и взаимодействия. И за два последних года мы начали действовать на каком-то ином уровне. Я очень много модерировала круглых столов, работала с театральной средой, с художниками. И очевидно, что люди уже хотят по-другому действовать в Беларуси, в белорусском контексте. Нужно что-то с этим делать. И эти же люди выходят на площадь. С этой идеей социального действия коррелирует и идея микропрактик, и с понятием спектакля можно попробовать тут поработать. Можно спросить, как коррелирует этот новый субъект социального действия с этой новой констелляцией спектакля?

М. Жбанков: Есть интересный момент: появление принципиально иной системы приоритетов. Привычное деление на культуру власти и культуры диссидентства с политической составляющей в качестве основного стержня меняется. Сейчас, напротив, уже политика становится одной из составляющих этих культурных практик – эстетических, социальных и так далее. Она как бы поглощается иными практиками. И перестаёт быть самодостаточной.

Т. Щитцова: В ходе нашей дискуссии тезис о том, что декабрьское протестное выступление было спектаклем, всё-таки поставлен под вопрос. И это существенно.

Но я хотела сказать о другом. Одно из самых провокативных суждений, которое сегодня звучало, – это суждение о неуместности и не востребованности интеллектуалов в том, что произошло. Мне кажется, что именно небанальное ядро произошедших событий (я имею в виду тот абсолютно не просчитываемый выплеск на улицу людей, которые посчитали невозможным не пойти) позволяет опознать и возможную миссию и задачу интеллектуалов. Их востребованность заключалась бы в том, чтобы через конкретные практики и тексты культивировать вот эти самые элементы непросчитываемого, «избыточного» действия – того, что не может предусматриваться и регулироваться властью. Здесь нельзя не отметить некоторой бедности нашего культурного поля (например, по сравнению с весьма разнообразной, многослойной и даже агональной культурной жизнью в России, прежде всего, конечно, в Москве и Питере). Это и есть поле для работы интеллектуала: содействовать наращиванию культурных практик, которые разворачивались бы по контрасту с тем, что контролируется медийно или на уровне официальных директив.

А. Усманова: Вообще-то, проявление солидарности возможно не только и не столько на площади, но для этого необходимо производить как можно больше публичных пространств. Это часть наших обязательств как интеллектуалов. И последняя ремарка. Таня, я, конечно, была бы рада подписаться под твоей страстной речью, отстаивающей небанальность того, что произошло, но небанальным, на мой взгляд, оказался как раз Лукашенко. Потому что выход на

площадь многих людей, включая интеллектуалов, он-то как раз был предсказуем. Гораздо менее банальным – как в дискуссии с журналистом из *Washington Post* – оказался именно президент. Это не интеллектуальная небанальность, возможно, это небанальность другого рода, но здесь он опять всех переиграл. И самое последнее: мы не обсуждали сегодня вопрос о том, что происходило в белорусской академической среде, каким образом реагировали те интеллектуалы, которые по своему институциональному статусу в Беларуси тоже могли бы выполнять интеллектуальную функцию. По-моему, это одна из самых серьёзных проблем.

А. Лаврухин: Мне кажется, что был элемент непредсказуемости со стороны тех, кто пришёл на площадь. Я, например, был уверен в том, что разочарование после невыполненных ожиданий площади 2006 способно многих погрузить в скепсис, апатию и бездействие, демотивировать даже самого большого оптимиста идти на площадь. Ведь 2006 год имел очень негативный резонанс в последующем. В этом плане появление такого большого количества людей в декабре 2010 было совершенно неожиданно. Как это ни удивительно, сегодня память об атмосфере приподнятости и вдохновения свободой пересиливает горечь неудач: и в 2006, и в 2010 мы получили глоток свободы, который уже не сможет отменить никакая директива.

И мы преувеличиваем, когда говорим, что президент нас удивляет. Он зависимый человек, он реактивен. Он не создаёт события, а лишь паразитирует на них. Он, конечно, удачно перехватывает новые содержания и тенденции благодаря большому административному ресурсу. Что там на самом деле произошло и насколько это к нему имеет отношение, совершенно неизвестно. Это закрытая тема. Мы этого ничего не видели. Зато мы видели людей, которые вышли на улицы. И они нас удивили.

Т. Щитцова: Коллеги, мы беседуем уже почти два часа. В ходе разговора стало очевидно, насколько разными могут быть оценки людей, принадлежащих, в общем-то, к одной культурной среде. Мы далеки от того, чтобы подводить какие-то итоги, в сущности, только начавшегося обсуждения. Одно мне кажется определённым (я говорила об этом, когда мы только планировали нашу встречу): принимая во внимание интеллектуальную историю последних двух десятилетий, сам факт нашего сегодняшнего обсуждения кажется бесспорно значимым.